

ПАМЯТЬ

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

ПРОЩАЙТЕ, РИДАН ВЕЙСАГА!

Светлой памяти Надира Агасиева

Надир Агасиев, зав. отделом прозы журнала «Литературный Азербайджан», талантливый, тонкий прозаик, выпускник Литинститута имени Горького, член Союза писателей Азербайджана, проработавший в журнале больше 40 лет и перелопативший за это время горы написанного – как истинно литературного, ценного, так и словесного мусора, прекрасный переводчик, ушел из жизни... Покинул этот мир и тех, кто знал его и любил. Или – не любил. Один мой хороший знакомый говорил: «Я с подозрением отношусь к людям, которых все любят: если они хороши для всех, значит, они, по меньшей мере, неискренни». Надир Агасиев был прям и искренен даже тогда, когда пытался как-то завуалировать свое истинное мнение или отношение – это ему плохо удавалось.

Он ушел в последний день лета – 31 августа. И наступила осень... уже без него...

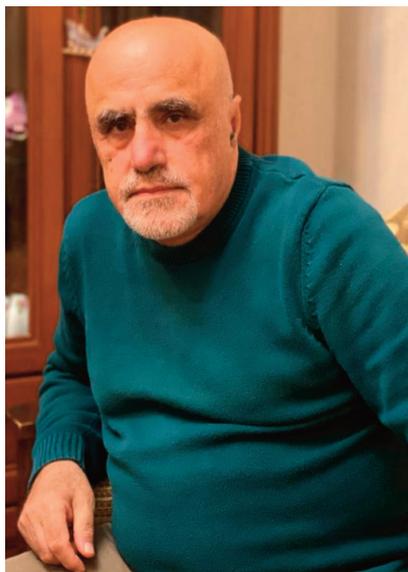
Как могло случиться, что крепкий, спортивный, здоровый мужчина – кроме бывшего у него диабета в достаточно легкой форме, который он успешно «разгонял» движением, ходьбой, проходя ежедневно, согласно показаниям подаренного ему сыном шагомера, по 14000 (!) шагов, – внезапно скончался? Прививку от заполонившего планету зла – ковид-19 – он сделал одним из первых... И все же этим самым ковидом и заболел, причем, вопреки оптимистичным заявлениям медиков о том, что вакцинированным этот вирус не страшен, заболел в тяжелой форме, попал в больницу, где врачи не смогли его спасти...

...Скончался, ушел из жизни, покинул этот мир – как много названий у смерти – для того, наверное, чтобы не называть имени ее самой... и как странно, нелепо говорить их применительно к этому человеку...

Для всех нас то, что с ним случилось, было шоком, громом среди ясного неба... до сих пор не могу до конца поверить, что приду в редакцию, привычно гляну в сторону его стола – а там его нет... И – уже не будет. Никогда...

Мы с ним были дружны, как могут быть дружны коллеги, не один год проработавшие вместе, а главное – как люди, во многом схожие во взглядах, оценках, в мировоззрении, хорошо знающие и понимающие друг друга, и при этом не теряющие друг к другу интереса. Нам всегда было, что обсудить, о чем поговорить... Для меня это было очень ценно в нем – с ним можно было поговорить. Не поболтать, а – ПОГОВОРИТЬ...

Пожалуй, он был мне ближе всех в редакции – я всегда ощущала его доброе отношение ко мне и относилась к нему так же...

Тем больше и горше было для меня то, что незадолго до его ухода я невольно, ненароком, совсем того не желая, обидела его... В жизни иногда случается, что каким-то непонятным, роковым образом события вдруг разворачиваются так, как ты не ждал, не думал, не желал... будто сам дьявол подшучивает над нами... Я обидела его, тут же поняла это, кинулась извиняться, он сделал вид, что ничего не произошло, но... произошло... Его легко было обидеть, он был очень тонко чувствующим человеком, и, понимая, зная это, я всегда старалась быть с ним особенно бережной ... и вдруг – все так повернулось...

В связи с пандемией сотрудники редакции работают онлайн, то есть из дома. Мы с ним созванивались, переписывались по ватсап... но после того случая все прекратилось... Мне очень не хватало общения с ним...

Через какое-то время я узнала, что он заболел. Как мне сказали, заболел легко. Я была уверена, что он скоро выздоровеет. Тем более, что он прошел вакцинацию. Но потом я узнала, что он в больнице... Я каждый день ждала новостей о нем – конечно же, хороших. Но... мне сказали, что ему тяжело дышать, ему дают кислород...

И вдруг – я получила от него сообщение на ватсап! Я была счастлива – значит, ему лучше! И – он простил невольно нанесенную мной обиду!..

Оказалось, что это – поздравление с днем рождения, который был у меня в тот день! Я была потрясена его великодушием – в больнице, в таком состоянии он не только не забыл об этой дате, но и сделал мне дорогой подарок – перешагнул через свою обиду!.. Но... видно было, что ему плохо – буквы прыгали, какие-то были пропущены... последнее предложение было: «Говорить и писать могу с трудом» ... и в самом конце, как мне тогда показалось, шутивное – «Отпускаю всем грехи»... потом я поняла, что это могло иметь более трагический – прощальный – смысл. Через несколько дней его перевели в реанимационное отделение и ввели в медицинскую кому... потянулись дни ожидания и надежды... Прошло 10 дней, и мне сказали, что он уже в обычной палате, что ковид, вроде бы, отступил... тем неожиданнее и горше стало узнать через несколько дней, что его не стало... Я не могла понять – почему?! Как это могло случиться?! Ведь – 14000 шагов ежедневно, кому это по силам? Ему – было по силам... и – вакцинация... Не могу понять этого до сих пор... и – не могу поверить. Не могу свыкнуться с мыслью, что его больше нет...

...Мне не хватает его, общения с ним. И я перечитываю написанные им строчки... это ведь – тоже общение... Читаю роман «Отражения», последнее и главное его детище. Наверное, единственное его столь масштабное произведение.

Почему он написал так немного? Ответ на этот вопрос, как и на многие другие, можно найти в этом его романе.

«Сюжеты вливались в меня с бешеной скоростью, скажем, где-то 60 мегабит за раз... А мне не писалось, только придумывалось. Рассказы во мне могли замешиваться на чем угодно, от пыли за окном, ветра в море, от слова услышанного, от части речи, части тела»...

Он действительно придумывал – или вспоминал – множество сюжетов, всегда интересных, необычных, нередко делился ими, даже предлагал «подарить»: «Напишите об этом вы, а то я буду долго собираться»... Но – это были ЕГО сюжеты, они были всегда необычны, иногда немного фантазийны, в них были детали, которые мог заметить только он... Он умел увидеть какие-то события, на первый взгляд обычные, в совершенно неожиданном ракурсе... И это делало его сюжеты особенно интересными. Он был немногим фантазером – предлагал порой какие-то вещи, которые были мало выполнимы... нет, они были вполне логичны, но... иногда он будто не замечал – не хотел замечать! – существующих реалий... жил в каком-то своем, особом мире, который он сам себе намечтал...

Он не любил и старался избегать серости, глупости, обыденности... особенно в литературе... потому и писал так подолгу, стараясь не допускать штампов в сюжетах и в их изложении... обзирал огромное поле витающих в его фантазии образов, чтобы подобрать подходящий, и начинал писать... Иногда читал готовые куски мне, я всегда искренне хвалила, но он говорил: «Нет, надо вот это переделать, мне не очень нравится... а потом все это надо еще выстроить и уложить в единое целое»...

«Писал я эти рассказы в уме, как консервировал, складывал в ячейки памяти. Время от времени я выходил к ним в огромное, висящее надо мной поле... И окидывал взглядом поле свое... Подбрасывал в рассказы новые словечки и видел, как вновь начинали бурлить еще не описанные мною события».

И дальше:

«Сюжеты кружились в его голове, как разноцветные стеклышки в калейдоскопе, их было множество, некоторые он мне пересказывал, все были интересные и жалко было пожертвовать каким-то из них, но и невозможно было уложить их в одно повествование, приходилось все же выбирать и потом выстраивать все как-то в единое, общее произведение, оставляя остальные на потом...»

В первом отрывке он пишет от первого лица, во втором – от третьего. Кто такой «Я» и кто такой «ОН» – ведь, казалось бы, речь идет об одном и том же человеке, писателе? Все так и есть. Дело в том, что в романе – два героя: Веисага – ОН, и Автор – Я. И каждый – отражение, продолжение другого. Если прочитать имя героя «Отражений» – Веисага – наоборот, то получится фамилия Автора – Агасиев.

«Отражения» – это первая часть романа. Следуют еще две другие части: «Отражения в преломленном ракурсе» и «Отражения в нереальном». Роман построен на ассоциациях автора, связанных с реальными событиями из его жизни. Чтобы донести это до читателя, в самом начале романа он приводит слова столь любимого им Андрея Битова: «Хорошо придумывать то, что было, и невозможно сочинить то, чего не было...» В этой, казалось бы, парадоксальной фразе заложен, по-моему, глубокий смысл, понятный настоящему Писателю...

Итак, Веисага – фамилия героя, являющегося отражением автора, образованная от его фамилии – Агасиев. Схожим образом появилось и имя второго героя – Ридан.

«Риданом я называл себя в море, когда долгими днями оставался в бушующей стихии, предоставленный самому себе, развлекал себя беседами, словно рассказы писал».

«Хорошо придумывать то, что было»... Надир Агасиев довольно долго проработал в море, на нефтяной установке, совмещая это с работой в редакции. Во-первых, он очень любил море, а во-вторых, нужно было содержать семью, чего наши журнальные зарплаты, к сожалению, не позволяют.

«"Ридан" – это мое имя, Надир наоборот. И катер с похожим названием – "РЕДАН" – был у нас в управлении. Скоростной. Начальство на нем в море выходило. Но, бывало, и мы возвращались на "РЕДАН"е с вахты. Глядя, как "РЕДАН" красиво шел по волнам, я гордился, он был моим. Мы созвучны: РИДАН и РЕДАН. Да он почти моим именем назван!»...

И дальше:

«Ридан был моей собственной изнанкой, значит, был ближе к моей душе».

То есть Ридан – это взгляд на себя изнутри, образ этот – попытка заглянуть себе в душу...

А что там, в душе? Там – дорогие, бережно хранимые люди.

...Мама, которой давно уже нет, и затерялись где-то даже три метра отснятой им когда-то пленки, на которой она идет – уходит от него – по переулку...

...Отец и связанные с ним воспоминания... Вот он отвозит на своей новенькой «Волге» маленького Надира в глазную лечебницу, а вот везет его с мамой и братьями на летний отдых в селение Дашча, что в Габале...

...Тетя Аделя... Как-то она сделала ему бесценный подарок – привезла из Алжира, где она жила несколько лет со своим мужем и сыном, кассетный магнитофон и кассету с записями чешского композитора Дворжака – чудо, мало кому доступное в те времена...

...Дядя Махмуд... От него он впервые услышал об этом композиторе, Дворжаке... Дядя Махмуд страдал астмой, что не смогло заставить его бросить курить... Он умер от приступа этой болезни в поезде Москва-Баку, в котором возвращался домой...

Это те, кто ушел, но продолжали жить в его сердце, в его памяти.

Но главное место в его душе занимали живые – самые дорогие ему люди.

...«Жена, супруга» – это для окружающих, «манжелка» – это по-чешски – когда они отдыхали в чешских Подебрадах, он иногда шутливо называл ее так... а для нее – Меди, Медина... И всегда – с любовью и немного с гордостью...

Все в редакции знали, когда у нее день рождения. Накануне он советовался с нами: «Что, если купить ей какое-нибудь украшение от Сваровски? Как думаете, ей понравится?»... Мы знали, что она любит орхидеи... и вообще цветы. Он ей их нередко покупал – просто так, без повода... ну и, конечно, по поводу...

Мне это очень нравилось в нем. Не люблю мужчин, которые говорят о своих женах пренебрежительно...

В «Отражениях» меня покорила одна его фраза: «Жена моя внутри меня не возражала»... Понимаете? Она всегда была с ним – если не рядом, то внутри, в душе, и он сверял свои поступки и намерения с ее мнением, которое он всегда мог предугадать...

Ну и, конечно же, в душе его – внутри него – всегда жили его дети, сын и дочь, и его внуки... Совсем недавно он стал дедом в пятый раз, у него, наконец, родилась внучка – в дополнение к четырем внукам... говорят, когда его увозили в больницу, внуки плакали...

Его очень волновала тема войны – нашей, Карабахской.

У него в «Отражениях» есть такая сцена. Ридан обращается к другу его детства, когда-то – немому мальчику, которого все звали Соколиком, – теперь уже повзрослевшему и выучившемуся говорить:

...«Соколик, слушаю тебя. Что ты мне хотел сказать?»

– Война будет! – выдохнул Сокол утробой.

...– Какая война, Сокол? Когда?

Соколик яростно молчал: "Не знаю!"

До войны оставалось еще более двух лет!

– Кто будет воевать?!

– Армения и Азербайджан, – напором вырвалось из нутра юноши.

– Соколик, ты что?!

Сокол стоял, опустив голову, будто был виноват.

– Нет, Соколик, войны не может быть, понимаешь, не может. Мы ведь живем в едином государстве. Будь спокоен, не будет никакой войны. Не допустят!

Кто летом 1986 года мог поверить, что Армения затеет войну с Азербайджаном? И я не мог поверить»...

И дальше:

«"Война будет!" Какая война, у меня только родился сын, чуть более сорока дней назад. Война казалась абсурдом, еще через два года родится дочь, и война все еще будет казаться невозможна».

«– Сокол, какая война, – снова говорил я Соколику, вернувшись в солнечный день 1986. – Ты ошибаешься, кто тебе сказал? Война невозможна!»...

Но она оказалась возможна. Возможным оказалось все – и изгнание со своих исконных земель миллиона наших соотечественников, и обстрел и захват мирных городов и деревень, и – апогей армянского фашизма – Ходжалы... И потом – почти 30 лет оккупации наших земель...

Мы часто говорили с ним об этом. И верили, что когда-нибудь справедливость восторжествует. Но с каждым годом надежда на это казалась все менее реалистичной... И когда в сентябре 2020 года начались военные действия, и наша армия начала пядь за пядью отвоевывать наши земли, мы, находясь в карантине, почти каждый день созванивались, а чаще – списывались друг с другом по ватсапу и делились своими радостями и переживаниями. Так хотелось, чтобы Азербайджан в этой войне победил. С гордостью говорили о самоотверженности наших солдат, их высокой военной подготовке, о силе их духа... Верили, что они сделают все для победы...

А потом было победное шествие нашей армии, возвращение одного района за другим и, наконец, – взятие Шуши! И слова главы нашего государства, Ильгана Алиева, возвестившего: «Гарабах – бизимдир» – «Карабах – наш!» И – гордость и счастье, которые эти слова вызвали в сердце каждого из нас...

Надиру Агасиеву тоже довелось испытать эти чувства. Он УСПЕЛ узнать о нашей победе. И о том, что освобожденные территории очищают от мин, что разрушенные города восстанавливаются, что в Физули построен аэропорт – один из самых комфортабельных и современных в мире!..

...Думаю, он был счастливым человеком – у него была замечательная семья, друзья, у него был свой мир, было «свое творческое поле», где он «взрачивал» множество сюжетов, из которых, – к огромному сожалению, – он успел дать литературную жизнь очень немногим...

Он был счастлив в этой жизни, и потому, наверное, боялся уйти, не хотел эту жизнь потерять.

Его волновала, беспокоила тема смерти. Вспоминая, как умер его дядя Махмуд, он писал:

«Говорили, кашлял долго. Отвлек бы кто из попутчиков, заговорил бы... о музыке, о Дворжаке, об автомобилях», – вспоминает Ридан.

И дальше, уже от Автора:

«После скоропостижной смерти матери Ридан искренне полагал, что скоропостижную смерть можно заболтать, если заранее почувствовать ее. "Я бы всем своим скоропостижно скончавшимся близким безудержно задавал вопросы, – сказал себе Ридан. – Заставил бы думать о насущном, настроил бы организм на жизнь. Главное – знать, что говорить, и уметь заинтересовать"»...

«В море, находясь в одиночестве, когда не с кем было поговорить, Ридан все задавал себе вопросы, и теперь думал – спасал себя.

"Замкнутость на себе ведет к скоропостижной смерти!" – вывел Ридан свой постулат, оглядывая море».

«Я буду жить 400 лет», – говорил он нам. Говорил так убежденно, что я, несмотря на всю невероятность подобного заявления, почти верила ему... Мысли о жизни и смерти занимали его, как и каждого из нас. С возрастом эти мысли занимают нас все больше... Как-то он посетовал: «Почему кто-то живет долго, а кто-то уходит рано? Вот бы знать, сколько проживешь!» «Вы – 400 лет», – напомнила я ему. Он грустно улыбнулся в ответ: «Хотелось бы...»

Мне бы тоже хотелось, чтобы он жил как можно дольше – мне кажется, это было бы справедливо... Мне кажется, что хорошие люди должны жить долго. К сожалению, смерть не разбирает, какими качествами души наделена ее жертва. Она просто забирает ее, и мы, смертные, ничего не можем с этим поделать...

И все же... Ридан Веисага – Надир Агасиев – прожил замечательную жизнь. Он был счастлив в семейной жизни. Его любили все, кто знал его близко, кому довелось увидеть его изнутри – увидеть его честность и порядочность, искренность и прямоту, его бережность к любимым людям. Он успел вырастить достойных детей, увидеть пятерых внуков, написать свою главную книгу. И увидеть земли Карабаха свободными от оккупантов... И все это, хоть и в очень малой степени, дает нам хоть какое то утешение в постигшей нас большой печали в связи с его уходом.

Да упокоит Господь его светлую душу!

Allah rəhmət eləsin!